С.Т. Мамсуров

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ И СМИ

В современной действительности можно наблюдать две противоречивые тенденции. С одной стороны – наличие провозглашенной в качестве характерной черты постиндустриального общества глобализации, с другой – взрыв этничности. Этнические конфликты давно знакомы человечеству, поскольку являются следствием объективных процессов столкновения интересов, дележа территории и отстаивания статуса этническими группами. Современные этнические и этнополитические конфликты имеют более мощный деструктивный потенциал, грозящий спокойному благополучию России. Конфликтная направленность политизированной этничности в стране бросает серьезный вызов безопасности в геостратегическом, региональном и локальном измерениях. Неоднократно говорилось и писалось о том, что было истоком такой ситуации – это крушение тоталитарного режима, прекращение блокового противостояния, крушение идеологии.

Роль последней в стабилизации межнациональных отношений очевидна. «Идеология, как система "верований" по проблемам социальной жизни сильно воздействует на структуру и направление мыслей, чувств и поведения»[1]. Однако, к сожалению, этнополитические конфликты также становятся разменной монетой в столкновении новых интересов и новых сил в России и мире в целом.

Конец 80-х – начало 90-х годов ознаменовался сложными и противоречивыми по сути и значимости событиями. Самым грандиозным явилось событие, связанное с исчезновением на карте мира названия такого государства, как СССР. Вместо этого появились полтора десятка самостоятельных государств, среди которых и Российская Федерация. Случилось так, что за короткий промежуток времени страна переместилась из одного исторического периода в другой, изменились государственное устройство, институты власти и ее атрибуты. В России разрушена прежняя политическая система, меняются соотношения форм собственности, изменяется система социальных отношений. Серьезным препятствием в движении Российской Федерации вперед по пути экономических реформ и выхода из кризиса стало обострение межнациональных противоречий

[1] *Жовтун Д.Т.* Социологический анализ идеологических процессов // Социология власти. 2007. № 2. С. 7.

внутри страны и проблемы взаимоотношений с бывшими советскими республиками. В стране не действует концепция национально-государственного устройства, до недавнего времени отсутствовала четкая программа национальной политики.

Конфликты стали реальностью в связи с резким обострением межнациональных отношений в бывшем СССР со второй половины 80-х гг. Националистические проявления в ряде республик насторожили центр, но никаких действенных мер по их локализации принято не было. Первые беспорядки на этнополитической почве произошли весной 1986 г. в Якутии, а в декабре этого же года – в Алма-Ате. Затем последовали демонстрации крымских татар в городах Узбекистана (Ташкенте, Бекабаде, Янгиюле, Фергане, Намангане и др.), в Москве на Красной площади. Началась эскалация этнических конфликтов, приведших к кровопролитию (Сумгаит, Фергана, Ош). Зона конфликтных действий расширилась. В 1989 г. возникло несколько очагов конфликтов в Средней Азии, Закавказье. Позднее они охватили Приднестровье, Крым, Поволжье, Северный Кавказ. Только с 1988 по 1991 гг. на этнической почве в бывших советских республиках произошло более 150 конфликтов, в том числе около 20, повлекших человеческие жертвы[1].

Социальная нестабильность, экономическая депривация, политические противоречия внутри республик и между республиками и центром стимулируют такие конфликты; существует напряжение в отношениях между чеченцами и казаками, ингушами и осетинами, кабардинцами и балкарцами, в молодежных группах в Якутии, Тыве и др. Недостаточное внимание к этническим конфликтам чревато тем, что столкновений будет больше и они становятся всё острее[2].

Ряд зарубежных и отечественных исследователей считает, что межэтнические конфликты в России нередко происходят между двумя главными типами цивилизаций, характеризующими евроазиатскую сущность страны – западным христианским в своей основе и южным исламским[3]. Этот тезис требует отдельного рассмотрения.

Исследователи отмечают, что в последние годы по признаку конфликтности все болевые точки России классифицируются по следующим основаниям:

– зоны острых кризисных (военных конфликтов или балансирования на их грани) – Северная Осетия – Ингушетия;

---

[1] *Мукомель В., Паин Э., Попов А.* Союз распался – межнациональные конфликты остались // Независимая газета. 1992. 10 янв.

[2] См.: *Дробижева Л.М.* Этнические конфликты // Полис. 1994. № 2. С. 109.

[3] *Котанджян Г.С.* Этнопсихология консенсуса – конфликта. М., 1992. С. 70–72.

– потенциально кризисные ситуации (Краснодарский край). Здесь основным фактором межнациональной конфликтогенности являются миграционные процессы, в результате которых обстановка обостряется;

– зоны сильного регионального сепаратизма (Татарстан, Башкортостан);

– зоны среднего регионального сепаратизма (Республика Коми);

– зоны вяло текущего сепаратизма (Сибирь, Дальний Восток, ряд республик Поволжья, Карелии и пр.).

Если рассматривать только вооруженные конфликты, то в постсоветских республиках можно выделить три типа вооруженных конфликтов: 1) конфликты, вызванные стремлением национальных меньшинств реализовать свое на самоопределение; 2) конфликты, вызванные разделением бывшего союзного наследства; 3) конфликты, имеющие форму гражданской войны.

Очевидно, что приведенная типология условна. Один тип конфликта может соединять в себе черты второго или переплетаться с другими. Пример тому – осетино-ингушский конфликт. В начале его развития политологи считали, что это не этнический конфликт, т. к. он был обусловлен политическими, социальными и иными причинами. Полагаем, что неправы те исследователи, которые полагают, что если нет столкновения одной этнической группы с другой, то это конфликт не этнический. Подтверждением этому служит чеченский кризис. Хотя на чеченской стороне и воюют представители различных национальных групп, все равно этот конфликт можно характеризовать как этнический.

Этнический фактор обычно выступает в качестве линии противостояния, когда существующее неравенство в определенных сферах – социальной, политической, культурной – проходит по этническим границам. Поэтому все конфликты, произошедшие в советский и постсоветский периоды в стране, в своем большинстве этнические.

Конфликт определяется как столкновение противоположно направленных целей, интересов, позиций, мнений или взглядов оппонентов или субъектов взаимодействия, проявляющееся в острой форме. В основе любого конфликта лежат как объективные, так и субъективные противоречия. Кроме того всегда присутствует ситуация, включающая либо противоречивые позиции сторон по какой-либо проблеме, либо противоположные цели, методы или средства их достижения в данных обстоятельствах, либо несовпадение интересов оппонентов[1].

[1] См.: Психология: Словарь. М, 1990. С. 174.

Социальные конфликты происходят в результате углубления и обострения противоречий в различных сферах общественной жизни и несвоевременного их разрешения. Конфликты могут быть экономическими, социальными, классовыми, внешне- и внутриполитическими, правовыми, территориальными, межнациональными, языковыми, продовольственными, трудовыми, словом, возникнуть практически в любой сфере жизни. Например, политические конфликты между нациями, этническими группами охватывают комплекс общественных отношений, касающихся судьбы того или иного народа[1].

Один из основоположников общей теории конфликта Р. Дарендорф считает, что концепция общества, принадлежащего гражданам, общества свободного, открытого и демократического, не кладет конец конфликтам, не решает в абстрактном плане всех проблем и противоречий развития. Этот вывод применим и к странам СНГ, республикам бывшего СССР. Межнациональные конфликты в Закавказье, Узбекистане, Таджикистане, Кыргызстане, Молдове, Прибалтике и других регионах – это специфическое, конкретно-этническое выражение общесоциальных противоречий. В то же время характер этих конфликтов, в которых отчетливо просматриваются противоречия между национальными меньшинствами и «коренным» населением, весьма типичен. Доказательством этого может служить пример ряда высокоразвитых стран с устоявшейся демократией, где также имеются межэтнические проблемы – фламандский вопрос в Бельгии, проблема Ольстера в Великобритании, Корсики во Франции, Страны Басков в Испании, Квебека в Канаде.

Социальные конфликты большинство политологов связывают прежде всего с противоречиями, складывающимися в сфере материального производства. Последние нередко разрешаются путем революций, принимая вместе с тем различные побочные формы – как совокупность коллизий, как коллизии между различными классами, как идейная борьба, политическая борьба и т. д.[2]

Примером тому может служить положение, сложившееся в российской. Здесь суть социальных конфликтов, с одной стороны, состоит в борьбе между слоями общества, чьи интересы выражают прогрессивные потребности развития производительных сил, с другой – различными консервативными, отчасти коррумпированными, элементами.

Основные завоевания перестройки – демократизация, гласность, расширение прав республик и регионов и другие – дали лю-

[1] См.: *Овчинников В.С.* Политические конфликты и кризисные ситуации // Социально-политические науки. 1990. № 10. С. 58.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Тезисы о Фейербахе // Соч. Т. 3. С. 75.

дям возможность, помимо прочего, открыто высказываться на митингах, демонстрациях, в средствах массовой коммуникации. Однако большинство психологически, морально не было подготовлено к своему новому социальному положению, что привело к конфликтам в сфере сознания. В итоге «свобода», будучи используема людьми с низким уровней политической и общей культуры для создания несвободы иным социальным, этническим, религиозным, языковым группам, оказалась предпосылкой для острейших конфликтов, нередко сопровождающихся террором, погромами, поджогами, изгнанием неугодных граждан «чужой» национальной принадлежности[1].

Определение «этнополитика» предполагает этническую группу, имеющую определенные политические цели. Американский исследователь П. ван ден Берге считает, что главное в этнополитике – взаимоотношения государства с этническими группами. Здесь он выделяет вопрос о власти. «… этническая политика является приложением власти, особенно государственной власти, к группам, определенным и дифференцируемым этнически или антропологически (по расовым признакам)»[2]. В.А. Тишков пишет, что разное понимание феномена этничности позволяет по-разному интерпретировать этнические конфликты[3]. В силу полиэтнического состава населения бывшего СССР и нынешних новых государств любой внутренний конфликт приобретает этническую окраску. Поэтому грань между социальными, политическими и этническими конфликтами очень зыбкая, трудно определимая. Например, национальные движения, выступавшие за независимость в Прибалтике, трактовались и в СССР, и за рубежом как один из видов этнических конфликтов. Однако на самом деле здесь в большей степени присутствовал фактор политический, т. е. стремление обрести государственность одной этнической группы, которая формировала идею этнонационализма. Этнический фактор присутствовал и в борьбе национальных движений за суверенитет, независимость автономий в России (Татарстан, Чечня).

Одна из форм конфликтов нередко включает в себя другую и подвергается трансформации, этническому или политическому камуфляжу. Так, политическая борьба «за национальное самоопределение» народов Севера, которую ведут власти автономий в России, не что иное, как этнический камуфляж. Ведь они отстаивают интересы не коренного населения, а элиты хозяйственников перед лицом

---

[1] См.: *Амелин В.В.* Межнациональные конфликты в Средней Азии на рубеже 80–90-х годов. М., 1993. С. 16.

[2] Цит. по: *Котанджян Г С.* Этнополитология консенсуса – конфликта. С. 15.

[3] *Тишков В.А.* О природе этнического конфликта // Свободная мысль. 1993. № 4. С. 8.

центра. К примеру политического камуфляжа можно отнести, например, события в Таджикистане, где соперничество таджикских субэтнических группировок и конфликт между группами народов Горного Бадахшана и доминирующими таджиками скрывается под риторикой «исламскойдемократической» оппозиции против консерваторов и партократов. В.А. Тишков дает определение этнического конфликта: под ним мы понимаем конфликт с определенным уровнем организованного политического действия, общественных движений, массовых беспорядков, сепаратистских выступлений и даже гражданской войны, в которых противостояние проходит по линии этнической общности[1].

Существуют две точки зрения на конфликт. Одни исследователи считают, что социальные конфликты несут угрозу, опасность распада общества, у других – иная точка зрения. Так, социолог структурно-функционального направления Л. Козер пишет: «Конфликт препятствует окостенению социальных систем, вызывая стремление к обновлению и творчеству». Другой немецкий социолог Р. Дарендорф утверждает, что и конфликты незаменимы как фактор всеобщего процесса социального изменения[2].

Не могу согласиться с приведенными утверждениями ученых. На наш взгляд, межнациональный конфликт – это нежелательное явление в жизни общества, которое является своего рода тормозом в решении проблем общественной жизни людей различных национальностей. Межнациональные конфликты ведут не «к обновлению и творчеству», а наоборот, вызывают застой, отбрасывают общество назад в своем развитии, влекут за собой кровь, человеческие жертвы, разруху, спад в экономике, нищету и голод. Погасить разразившийся этнический конфликт крайне трудно; он может длиться месяцы и годы, затухать, затем разгораться с новой силой. Межэтнические конфликты ведут к гибели людей – не только представителей враждующих сторон. К примеру, среди погибших в трагических ферганских событиях – 43 турка-месхетинца, 12 азербайджанцев, 35 узбеков, 5 русских, представители других национальностей: татарин, таджик, башкир, армянин, грек и т. д.[3]

К сожалению, потенциальные предпосылки к новым межнациональным конфликтам в странах СНГ сохраняются: безработица среди молодежи, малоземелье, люмпенизация значительной части населения, безграмотная политика в области освещения в СМИ

---

[1] См.: *Тишков В.А.* О природе этнического конфликта. С. 8.

[2] Цит. по: *Санистебан Л.С.* Основы политической науки. М., 1992. С. 106–107.

[3] *Лурье М., Студеникин П.* Запах гари и горя. Фергана, тревожный июль 1989 г. М., 1990. С. 84.

вопросов национальных отношений. Все это может быть причинами социальной нестабильности и этнических конфликтов, национализма, политических спекуляций, укрепления позиций консерватизма и традиционализма. В силу этих обстоятельств, по нашему мнению, Центральная Азия и Кавказ остаются наиболее конфликтными регионами. Быстрый рост населения, особенно его трудоспособной части, будет способствовать вытеснению пришлого населения.

В ряде регионов Российской Федерации по-прежнему будет сохраняться межэтническая напряженность в силу того, что до сих пор не решены вопросы федеративного устройства, уравнивания прав субъектов Федерации. Учитывая то, что Россия сформирована как по территориальному, так и по этнонациональному признаку, отказ от этнотерриториального принципа российского федерализма в пользу экстерриториальных культурно-национальных противоречий может привести к конфликтам. Но этот вопрос требует отдельного рассмотрения.

Можно обозначить несколько причин укоренения национальной нетерпимости в сознании россиян. Среди них – широкое распространение расистских настроений в обществе и отсутствие толерантности по отношению к «иным» культурам и религиям, усугубляемые трудным социальным и экономическим положением основной части населения. Отсутствие осознания журналистами и редакторами СМИ того, что проблема «национального негатива» в СМИ существует и актуальна для России, слабая реакция со стороны общественности в целом и неправительственных организаций в частности усугубляют ситуацию. К сожалению, в нашем обществе отсутствуют традиции морального осуждения национальной нетерпимости в СМИ.

Многие специалисты, занимающиеся проблемой расизма и этнической дискриминации в России, считают, что государство заигрывает с националистически ориентированными политиками и идеологами. Ведущие государственные деятели, влиятельные политики почти не апеллируют к общественности с призывом бороться с проявлениями нетерпимости и неприятия людей другой национальности, расы или вероисповедания. Более того, высшие государственные лица отказываются комментировать даже весьма грубые инциденты (например, высказывания краснодарского губернатора Ткачева). Важно не только само по себе игнорирование юридических и административных норм, но и «сигнал», который подается таким образом обществу.

В журналистском сообществе до сих пор предпринималось довольно мало попыток полноценного осуждения разжигания национальной, религиозной и иной розни. Поскольку этические нормы саморегулирования средств массовой информации в этой области не

разработаны, разного рода ксенофобия находит широкое распространение даже в уважаемых общественно-политических периодических изданиях и в особенности в теле- и радиопередачах. Журналисты и редакторы часто не понимают (или не желают задуматься), какие именно высказывания политических и общественных деятелей, официальных лиц, государственных служащих и т. д. имеют расистский и дискриминационный характер, и не считают, что такие заявления должны быть соответствующим образом прокомментированы.

Другой ослабляющий фактор – слабость и разрозненность действий гражданского общества, направленных против этнической вражды в СМИ. Индивидуальные обращения и коллективные письма по факту ксенофобных высказываний или действий до сих пор не трансформировались в общую позицию общественности и целенаправленные, скоординированные действия против разжигания вражды.

Перечень этих отрицательных факторов можно завершить констатацией отсутствия общественного диалога по проблеме национальной нетерпимости в СМИ.

Текущая ситуация парадоксальна: в то время как уже укоренившийся язык вражды с пугающей быстротой занимает все новые позиции, фактически все делают вид, что ничего из ряда вон выходящего в стране не происходит. Поэтому некоторые из тех, кто распространяет призывы к насилию, переходят от слов к действию: все знают о скинхедах, хотя до сих пор находятся и чиновники, и журналисты, которые отрицают само наличие такого феномена. Число случаев насилия над представителями этнических и религиозных меньшинств в различных регионах страны растет. Чем дольше сохраняется такая ситуация, тем сложнее будет изменить отношения общества к этому опасному явлению, тем труднее будет исправить нанесенный обществу ущерб.